

КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ В ПЕРСИДСКИХ ПАРЕМИЯХ (на материале персидских книжных паремий)

Эбрахими Шахрох

Киевский национальный лингвистический университет

У статті розглянуто специфіку образу людини на матеріалі книжкових паремій перської мови. Особливу увагу приділено перським книжковим прислів'ям і крилатим висловам як засобам відображення образу людини. Вказано на схожість перських і російських прислів'їв. Зроблено спробу класифікувати прислів'я і крилаті вирази на традиційні образи класичної поезії, релігійні та фольклорні.

Ключові слова: картина світу, книжкова паремія, крилаті вирази, прислів'я.

В статье рассматривается специфика образа человека на материале книжных паремий персидского языка. Особое внимание уделено персидским книжным пословицам и крылатым выражениям как средствам отображения образа человека. Указывается на сходство персидских и русских пословиц. Была предпринята попытка классифицировать пословицы и крылатые выражения на традиционные образы классической поэзии, религиозные и фольклорные.

Ключевые слова: картина мира, книжная паремия, крылатые выражения, пословицы.

This article elucidates the specifics of the image of man on the material of Persian book paremias. A special attention is drawn to the Persian book proverbs and catchphrase as means of expression the image of man. Indicates the similarity of the Persian and Russian proverbs. An attempt was made to classify proverbs and aphorisms on the traditional images of classical poetry, religion and folklore.

Key words: picture of the world, book paremias, catchphrase, proverbs.

Каждый язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации [5, с. 64]. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. В этом проявляется специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке.

Язык – важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в языке результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет собой то, что в различных концепциях называется то как “языковой промежуточный мир”, то как “языковая репрезентация мира”, то как “языковая модель мира”, то как “языковая картина мира”. В силу большей распространенности мы выбираем последний термин.

Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. По мнению А. Н. Леонтьева, существует особое “пятое квазиизмерение”, в котором представлена человеку окружающая его действительность: это – “смысловое поле”, система значений. В таком случае картина мира – это система образов.

Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее “модных” тем отечественного языкознания. И в то же время, как это часто бывает с получившими широкое распространение обозначениями, до сих пор не существует достаточно четкого представления, какой именно смысл вкладывается в это понятие пишущими и как, собственно, следовало бы истолковывать его читающим.

“Языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации” [7, с. 179]. Язык, с одной стороны, задает определенные правила для передачи предельно многоплановой концептуальной информации: “языковая картина мира – это картина мира,

формируемая средствами естественного языка как определенного типа семиотических систем. Именно языковая картина мира способна представить глобальный образ мира, так как естественный язык является универсальной семиотической системой, опосредствующей действие других семиотических систем” [6, с. 40]. С другой стороны, коррелируя с картиной мира, язык, классифицируя и упорядочивая, способен изменять и обогащать ее.

Факт обостренного интереса языковедов к проблемам, так или иначе связываемым с картиной мира, свидетельствует о том, что этим понятием обозначается нечто относящееся к основам, определяющее сущность языка, а точнее – воспринимаемое как определяющее его сущность “сейчас”, т. е. на современном этапе развития науки о языке (возможно, впрочем, что и “здесь”, т. е. в науке “западного” ареала в широком понимании этого слова) [5, с. 75].

Между картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения.

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный [6, с. 84]. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная картина мира, сквозь призму которой человек видит мир [5, с. 83].

Ю. Д. Апресян подчеркивал донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной. Языковая картина мира как бы дополняет объективные знания о реальности, при этом часто искажая их. Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, “перерисовывается”, тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений.

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации “концептуализации” мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [5, с. 77].

Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы “пространство значений” (в терминологии А. Н. Леонтьева), т. е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, т. е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, грамматике, пословицах.

Вместе с тем данные психологии, психолингвистики позволяют утверждать, что значительная область человеческих знаний, переживаний, ощущений не описывается языком, во всяком случае, лексемами в пределах их словарных значений. А. А. Залевская утверждает, что “языковая картина мира способна отобразить лишь часть “образа мира”, который переживается во взаимодействии его перцептивно-когнитивно-аффективных характеристик и с разной мерой “глубины” и степени осознаваемости достраивается индивидом за счет многообразных и многоступенчатых выводных знаний” [3, с. 46].

Выход за пределы логико-рационального языкового описания, преодоление рамок структуры языка позволяет приблизиться к отражению и пониманию образа мира, под которым понимается субъективное, имеющее разнонаправленную и многоуровневую

природу представление индивидуума об окружающем его мире, которое основывается на архетипах коллективного бессознательного и на индивидуальном когнитивном опыте.

В языке отражена наивная картина мира, которая складывается, главным образом, как ответ на практические потребности человека, как необходимая когнитивная основа его адаптации к миру.

Человеческая деятельность, включающая в качестве составной части и символическую, т. е. культурную, вселенную, одновременно и универсальна, и национально специфична. Эти ее свойства определяют как своеобразие языковой картины мира, так и ее универсальность.

Мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах, – это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира.

Наивная картина мира обыденного сознания, в котором преобладает предметный способ восприятия, имеет интерпретирующий характер. Язык, фиксируя коллективные стереотипные и эталонные представления, объективирует интерпретирующую деятельность человеческого сознания и делает ее доступной для изучения [5, с. 96].

Пословицы играют особую роль в создании языковой картины мира. Они – “зеркало нации”. Природа значения тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Пословицы приписывают объектам признаки, которые обусловлены этнической картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают ее, выражают к ней отношение. Своей семантикой пословицы направлены прежде всего на характеристику человека и его деятельности.

Целью данной работы является рассмотрение специфики образа человека на материале книжных паремий персидского языка. Нами проанализированы 300 пословиц и поговорок, извлеченных из англо-персидского фразеологического словаря и сборника иранских пословиц. Фонд персидских пословиц огромен. Для исследователя он интересен не только взаимопереплетением этнического и универсального видения, но и взаимодействием разговорной и книжной стихии.

Издавна пословицы и поговорки проникали в персидскую литературу, прозу и поэзию. Не было ни одного более или менее известного персидского поэта, который не приводил бы в своих произведениях пословиц и поговорок. В персидской и персоязычной литературе классического периода они встречаются в большом количестве и большей частью в поэтической форме. С XVI в. пословицы и поговорки стали собирать в отдельные антологии. Таков, например, сборник “Шахед Садег”. Пословицы также можно найти в персидских толковых словарях, которые составляют в Иране с XI в. Поэтам и составителям антологий, воспитанным на классической литературе, народное творчество казалось грубым; они не решались вынести пословицы на суд публики такими, как те бытуют в народе, и облакали их в стихи, сложенные по правилам арабо-персидской метрики. При этом часто терялся своеобразный ритм пословиц, составляющий их красоту [4, с. 52].

В персидском языке устная и письменная речь всегда оказывали друг на друга большое влияние. Известно, что в Иране даже неграмотные или малограмотные люди свободно цитируют классиков наизусть. Многие стихи из произведений классической персидской литературы, превратившись в пословицы, поговорки и крылатые слова, сделались достоянием народной речи, причем вплелись в нее настолько органично, что иной раз трудно определить, была ли та или иная поговорка использована классиком, или цитата из его произведения вошла в пословицу. Ибо пословицы и поговорки, проникавшие в литературу, поэтизировались писателями и, став крылатыми словами, вновь переходили в устную речь.

Приведем несколько примеров:

В персидской устной речи часто цитируются произведения Саади. Например, поговорка: *درمیان گلها رزبانش، درمیان خارها خار* (Среди цветов будь розой, среди шипов – шипом). Саади писал: “Со злыми будь злым, с добрыми – добрым, **среди цветов будь розой, среди шипов – шипом**”. Или: “Голова без мысли – **словно тыква бесплодная, не смеющиеся уста – щель на стене**”. Сравнение *مانند کدو بیثمر* как тыква стало крылатым выражением – так говорят о пустоголовом человеке.

Особой популярностью пользуются афоризмы Моуляви (Джелалэддина Руми). Многие образные выражения из его поэмы “Масневи” стали крылатыми словами. Например, Моуляви писал *مثل یک چوب خشک*: *Его тело упало, как сухая палка, похолодел он от головы до кончиков ногтей*. В обиход вошло сравнение худого, малоподвижного человека с сухой палкой. Показную, разыгранную с корыстной целью драку сравнивают с дракой торговцев ослами – это сравнение также встречалось у Моуляви *دعوا بین دلالهای الاغ*: *Если роза – из шипов, а шипы – из розы, почему же они дерутся между собой и ссорятся? Или это не драка, а умысел, подобно драке торговцев ослами?* О буйном, отчаянном человеке говорят *همچو فیلهای مست*: как пьяный слон. Моуляви писал: *Вооружившись саблями, все бросились друг на друга, как пьяные слоны*.

Источником афоризмов и крылатых выражений стали также произведения Фирдоуси, Низами, Атгара, Насири Хосрова, Асади Туси и многих других. Например, о подлом, низком, дешевом говорят *پست همچو خاک*: (как песок / земля). Ср.: Атгар писал: *Торгую своей честью у порога своего дешево, как песком*. Или: *Не устояв перед твоей красотой, блуждаем, как мельничное колесо*. Крылатое выражение *همچو چرخ آسیاب* (как мельничное колесо) стало означать “бесцельное, непрерывное движение”.

Еще один пример: у классиков встречается оборот *огонь на вершине горы*. Поэт XI века Фаррохи писал: *Следы былого величия на его дворцах виднее, чем огонь на вершине горы*. Это выражение *آتش قله کوه* стали использовать для обозначения чего-то ясного, очевидного. Или *همچو برف آغشته در خون*: *Всегда такая огненно-розовая лицом, как снег, политый кровью*. Снег и кровь стало крылатым выражением, аналогичным русскому *кровь с молоком*. О непримиримых противниках говорят: *как огонь и вода*. Этот оборот также встречается у классиков. Насири Хосров писал *مانند آب و آتش*: *Умный и невежда не уживутся. Могут ли уживаться огонь и вода?*

Часто используются в пословицах и поговорках образы героев классических литературных произведений, особенно популярны герои поэмы Фирдоуси “Шахнаме” и “Пятерицы” или “Пяти поэм” Низами.

Например, о безумно влюбленных говорят *مثل لیلی و مجنون یا خسرو و شیرین*: как *Хосров и Ширин* или как *Лейли и Маджнун* (Хосров и Ширин, Лейли и Маджнун – персонажи одноименных поэм, входящих в “Пятерицу” Низами). Или, например, такая поговорка *باچشمان مجنون*: *На Лейли надо смотреть глазами Маджнуна* – о том, что оценка зависит от того, кто её дает. Лейли, по преданию, не была признанной красавицей, и только влюбленный Маджнун находил ее прекрасной. О людях, присваивающих себе чужую славу, говорят: *Гора Бисутун была скрыта любовью, а слава досталась Фархаду*. Фархад – герой поэмы Низами “Хосров и Ширин”, которому любовь к Ширин дала силы прорыть дорогу через гору Бисутун.

Сильных и мужественных людей сравнивают с Рустамом – легендарным богатырем и героем поэмы Фирдоуси “Шахнаме”. Подчеркивая свое мужество, говорят: *Корова Заля не побоится дворцового льва Ануширвана*. О вспыхнувшей старой вражде говорят *خون سیاهوش به جوش آمد*: *Закипела кровь Сиявуша*. Заль и Сиявуш – герои иранского эпоса и Хосров I Ануширван – сасанидский царь – также являются персонажами “Шахнаме”. Выражение *نوشتارو پس از مرگ سهراب*: *Лекарство после смерти Сухраба* – значит “как мертвому припарки”. Сухраб – герой “Шахнаме”, пораженный в бою своим отцом Рустамом.

Традиционные образы классической поэзии, такие, как соловей и роза, газель, луна, солнце и т. д., прочно обосновались в устной речи в качестве стереотипных метафор. С веткой розы сравнивают красивую стройную шею, с бутоном – маленький ротик бантиком, с красной розой – румяные щеки, с розовым лепестком – нежную кожу лица. Роза и соловей вошли в поговорки *بلبل و رز و*: **роза и соловей согласны, а садовник – нет** (говорят, когда счастьем влюбленных кто-то препятствует или в значении “все уже давно помирились, а ты все не уймешься”). *مثل آهو* – **Как газель** говорят о красивых глазах или о легкой походке женщины, *همچو چنار* – **как чинара** – о стройном стане (ср. рус. *как тополе*), румянец сравнивают с зернышком граната. Прекрасное лицо сравнивают с полной луной, белую кожу – с лунным светом. О редкой красавице говорят: *Она сказала луне: не всходи, я взойду* (то есть, моя красота затмевает твой свет).

В устной речи также часто встречаются ссылки на Коран и мусульманских святых. Излюбленным персонажем пословиц и поговорок стал Юсуф (Иосиф Прекрасный) – герой библейской и коранической легенды. О красивом человеке говорят *مثل يوسف*: **как Юсуф**. Завистников и тайных врагов сравнивают с братьями Юсуфа, человека оклеветанного – с волком Юсуфа: по преданию, братья Юсуфа бросили его в колодезь, а отцу сказали, что его загрыз волк.

Часто встречаются и упоминания о фольклорных персонажах. Например, нечто бесподобное и неподражаемое сравнивают с Симоргом – сказочной птицей иранского фольклора. Множество пословиц, поговорок и крылатых слов взято из анекдотов и забавных историй, в частности, о мулле Насреддине.

Ряд персидских пословиц и поговорок очень похожи на русские, а некоторые из них буквально совпадают: *аппетит приходит во время еды; цыплят по осени считают; что легко наживают, то легко и проживают; нет дыма без огня; волк в овечьей шкуре; бедность не порок, в одно ухо влетает, из другого вылетает; дареному коню в зубы не смотрят; ночью все кошки серы; сытый голодного не разумеет* и т. д.

Некоторые пословицы и поговорки по смыслу очень близки к русским, но отличаются реалиями или акцентами *گنجشک در دست بهتر از شاهین در هوا*: **воробей в руках лучше сокола в небе** (ср. “лучше синица в руке, чем журавль в небе”), *آدم*: **везти сталь в Индию** (ср. “ехать в Тулу со своим самоваром” – индийские изделия из стали славились на всем Востоке), *دو بار نمیمیره*: **человек дважды не умирает** (ср. “двум смертям не бывать, а одной не миновать”), *دو بار نمیمیره*: **в стене есть мыши, у мышей – уши** (ср. “у стен есть уши”), *کلچک شتر از کلچک گاو*: **кочек шерсти за кочком – получается ковер** (ср. с миру по нитке – голому рубашка”), *دوست خوب رو تو روزای سخت می شناسن*: **хорошего друга узнают в тяжелый день** (ср. “друзья познаются в беде”), *تا تنور داغه نون رو بچسبون*: **пеки хлеб, пока печь горяча** (ср. “куй железо, пока горячо”), *دل به دل راه داره*: **от сердца к сердцу ведет дорога** (ср. “сердце сердцу весть подает”), *کفش پینه دوز پاشنه نداره*: **обувь сапожника – без каблуков** (ср. “сапожник всегда без сапог”), *کودک بی چشمه بی دست میگیره*: **какой рукой дашь, той и получишь** (ср. “что посеешь, то и пожнешь”), *هیچ گربه ای برای رضای خدا موش نمیگیرد*: **ни одна кошка за ради Бога не станет мышью ловить** (ср. “никто тебе ничего не сделает за красивые глаза”), *پروتنای تو را بپوش*: **протягивай ноги по размеру паласа** (ср. “по одежке протягивай ножки”) и др.

Многие персидские пословицы и поговорки стали общими для стран Переднего Востока. В русском языке тоже встречаются некоторые “восточные” пословицы. Например, *собака лает, а караван идет* в значении “не обращать внимания на злые языки и делать свое дело”; *کوه موش زاید*: **гора родила мышь** в значении “много шума из ничего”; *یا سلطان میمرد*: **или султан умрет, или ишак сдохнет** в значении “авось, пронесет” – намек на известную притчу о мулле Насреддине.

Обилие книжных пословиц и поговорок придает персидскому языку совершенно особую образность, насыщенность и яркость, что в сочетании с напевностью звучания дало основание считать его одним из красивейших языков Востока. Сами иранцы называют свой родной язык “сладкозвучным фарси”, считая его неотъемлемой частью своей древней культуры и национальным достоянием.

Литература

1. Воротников Ю. Л. “Языковая картина мира”: трактовка понятия / Ю. Л. Воротников // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – №2. – 88-90 с.
2. Гаффаров М. А., Гордлевский В. Персидские пословицы. – М.: 1913. – 39 с.
3. Залевская А. А. “Образ мира” vs “языковая картина мира” / А. А. Залевская // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции “Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование”. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 41–47 с.
4. Короглы Х. Г. Персидские пословицы и поговорки. – М.: “Восточная литература”, 1961. – 23 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр “Академия”, 2001. – 64 с.
6. Резанова З. И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Часть 1. / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 210 с.
7. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 183–204.
8. Чернелёв В. Д. Паремия как объект сравнительного исследования в языкознании // Филологические науки. – 1990. – № 5. – С.21-29.
9. ضرب المثلهای ایرانی / تألیف و گرد آوری مهتاب منصورى. - تهران: جاجرمى، ۱۳۸۰.
10. فرهنگ ضرب المثل‌های انگلیسی - فارسی رهنما / تألیف عبدالله قنبری، ویراستار: علی‌اکبر جعفرزاده - [ویرایش دوم] - تهران: رهنما، ۱۳۷۸.